

Преподобный авва Дорофей Душеполезные поучения

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=300462
Душеполезные поучения: Сибирская Благовонница; Москва; 2009
ISBN 978-5-91362-204-4*

Аннотация

«Душеполезные поучения» преподобного аввы Дорофея – это бесценное сокровище духовной мудрости. Святой подвижник говорит в книге о том, что необходимо для каждого человека, как хранить совесть и как переносить искушения, как проходить путь Божий разумно и внимательно, созидать душевный дом добродетелей.

Читая «Душеполезные поучения» святого аввы Дорофея, каждый из нас сможет получить ответы на множество вопросов духовной жизни, с которыми мы сталкиваемся ежедневно.

Содержание

Краткое сказание о преподобном Дорофее	4
Послание о книге сей	8
Сказание о блаженном отце Досифее, ученике св. аввы Дорофея	10
Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения к своим ученикам,	15
Почтение первое	15
Почтение второе	23
Почтение третье	28
Почтение четвертое	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Преподобный авва Дорофей

Душеполезные поучения

*По благословению митрополита Ташкентского и
Среднеазиатского Владимира*

Краткое сказание о преподобном Дорофее

Мы не имеем оснований для точного определения времени, в которое жил преподобный Дорофей, больше известный в качестве писателя. Приблизительно же можно определить оное свидетельством схоластика Евагрия, который в своей церковной истории, писанной, как известно, около 590 года, упоминает о современнике и наставнике прп. Дорофея, великом старце Варсонофии, говоря, что он «еще живет, заключившись в хижине». Отсюда можно заключить, что прп. Дорофей жил в конце VI и начале VII века. Предполагают, что он был родом из окрестностей Аскалона. Раннюю молодость свою он провел в прилежном изучении светских наук. Это видно из собственных слов его, помещенных в начале 10-го поучения, где преподобный говорит о себе: «Когда я обучался светским наукам, мне казалось это сначала весьма тягостным, и когда я приходил взять книгу, я был в таком же положении, как человек, идущий прикоснуться к зверю; когда же я продолжал понуждать себя, Бог помог мне, и прилежание обратилось мне в такой навык, что от усердия к чтению я не замечал, что я ел или пил, или как спал. И никогда не позволял завлечь себя на обед с кем-нибудь из друзей моих и даже не вступал с ними в беседу во время чтения, хотя и был общителен и любил своих товарищей. Когда философ отпускал нас, я омывался водой, ибо иссыхал от безмерного чтения и имел нужду каждый день освежаться водой; приходя же домой, я не знал, что буду есть; ибо не мог найти свободного времени для распоряжения касательно самой пищи моей, но у меня был верный человек, который готовил мне, что он хотел. А я ел, что находил приготовленным, имея и книгу подле себя на постели, и часто углублялся в нее. Также и во время сна она была подле меня на столе моем, и, уснув немного, я тотчас вскакивал для того, чтобы продолжать чтение. Опять вечером, когда я возвращался (домой) после вечерни, я зажигал светильник и продолжал чтение до полуночи и (вообще) был в таком состоянии, что от чтения вовсе не знал сладости покоя».

Учась с такой ревностью и усердием, Дорофей приобрел обширные познания и развил в себе природный дар слова, как о сем упоминает неизвестный писатель послания о книге его поучений, говоря, что преподобный «был высок по дару слова» и, подобно мудрой пчеле, облетая цветы, собирал полезное из сочинений светских философов и предлагал это в своих поучениях для общего назидания. Может быть, и в этом случае преподобный следовал примеру св. Василия Великого, наставления которого он изучал и старался исполнять на самом деле. Из поучений преподобного Дорофея и его вопросов святым старцам ясно видно, что он хорошо знал произведения языческих писателей, но несравненно более писания свв. отцов и учителей Церкви: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого, Климента Александрийского и многих знаменитых подвижников первых веков христианства; а сожителство с великими старцами и труды подвижничества обогатили его опытным знанием, о чем свидетельствуют его поучения.

Хотя мы и не знаем о происхождении преподобного, но из бесед его с великими старцами видно, что он был человек достаточный и еще прежде вступления в монашество пользовался наставлениями знаменитых подвижников свв. Варсонофия и Иоанна. Это оказывается ясным из ответа, данного ему св. Иоанном на вопрос о раздаче имени: «Брат! На первые

вопросы отвечал я тебе как человеку, еще требовавшему млека. Теперь же, когда ты говоришь о совершенном отречении от мира, то слушай внимательно по слову Писания: *разшири уста твою, и исполню я* (Пс. 80, 11)». Из этого очевидно, что св. Иоанн давал ему советы еще прежде совершенного отречения от мира. К сожалению, до нас не дошли все сии душеполезные слова святых старцев. Мы имеем только те из них, которые сохранились в книге Ответов свв. Варсонофия и Иоанна.

Не знаем, какая причина побудила преподобного Дорофея оставить мир, но, рассматривая его поучения и, в особенности, вопросы святым старцам, можно заключить, что он удалился из мира, имея в виду только одно – достигнуть Евангельского совершенства чрез исполнение заповедей Божиих. Он сам говорит о святых мужах в 1-м поучении своем: «Они поняли, что, находясь в мире, не могут удобно совершать добродетели, и измыслили себе особенный образ жизни, особенный образ действия, – я говорю о монашеской жизни, – и начали убегать от мира и жить в пустынях».

Вероятно, на эту решимость имели благотворное влияние и беседы святых старцев, ибо, поступив в монастырь прп. Серида, Дорофей немедленно предал себя в совершенное послушание св. Иоанну Пророку, так что ничего не позволял себе делать без его совета. «Когда я был в общежитии, – говорит о себе преподобный, – я открывал все свои помыслы старцу авве Иоанну и никогда, как я сказал, не решался сделать что-либо без его совета. Иногда помысл говорил мне: не то же ли (самое) скажет тебе старец? Зачем ты хочешь беспокоить его? А я отвечал помыслу: анафема тебе, и рассуждению твоему, и разуму твоему, и мудрованию твоему, и ведению твоему, ибо что ты знаешь, то знаешь от демонов. И так я шел и вопрошал старца. И случалось иногда, что он отвечал мне то самое, что у меня было на уме. Тогда помысл говорит мне: ну что же, (видишь), это то самое, что и я говорил тебе: не напрасно ли беспокоил ты старца? А я отвечал помыслу: теперь оно хорошо, теперь оно от Духа Святаго; твое же внушение лукаво, от демонов, и было делом страстного состояния (души). И так никогда не попускал я себе повиноваться своему помыслу, не спросив старца».

Воспоминание о большом прилежании, с которым прп. Дорофей занимался светскими науками, поощряло его и в трудах добродетели. «Когда я вступил в монастырь, – пишет он в 10-м поучении своем, – то говорил сам себе: если при обучении светским наукам родилось во мне такое желание и такая горячность от того, что я упражнялся в чтении, и оно обратилось мне в навык, то тем более (будет так) при обучении добродетели, и из этого примера я почерпал много силы и усердия».

Картина его внутренней жизни и преуспеяния под руководством старцев открывается нам отчасти из его вопросов к духовным отцам и наставникам в благочестии; а в поучениях его находим некоторые случаи, свидетельствующие о том, как он понуждал себя к добродетели и как преуспел в ней. Обвиняя всегда самого себя, он старался покрывать недостатки ближних любовью и проступки их в отношении к нему приписывал искушению или незломерной простоте. Так в 4-м поучении своем преподобный приводит несколько примеров, из которых видно, что, будучи сильно оскорбляем, он терпеливо переносил это, и проведя, как он сам говорит, в общежитии 9 лет, никому не сказал оскорбительного слова.

Послушание, назначенное ему игуменом Серидом, состояло в том, чтобы принимать и успокаивать странников, и здесь не раз выказывалось его великое терпение и усердие к служению ближним и Богу. «Когда я был в общежитии, – говорит о себе преподобный Дорофей, – игумен с советом старцев сделал меня странноприимцем; а у меня незадолго пред тем была сильная болезнь. И так (бывало) вечером приходили странники, и я проводил вечер с ними; потом приходили еще погонщики верблюдов, и я служил им; часто и после того как я уходил спать, опять встречалась другая надобность, и меня будили, а между тем наставлял и час бдения. Едва только я засыпал, как канонарх уже будил меня; но от труда или от болезни

я был в изнеможении, и сон опять овладевал мною так, что, расслабленный от жара, я не помнил сам себя и отвечал ему сквозь сон: хорошо, господин, Бог да помянет любовь твою и да наградит тебя; ты приказал, – я приду, господин. Потом, когда он уходил, я опять засыпал и очень скорбел, что опаздывал идти в церковь. А как канонарху нельзя было ждать меня, то я упросил двух братьев, одного, чтобы он будил меня, другого, чтобы он не давал мне дремать на бдении, и поверьте мне, братия, я так почитал их, как бы через них совершалось мое спасение, и питал к ним великое благоговение». Подвизаясь таким образом, преподобный Дорофей достиг высокой меры духовного возраста и, будучи сделан начальником больницы, которую брат его устроил в монастыре преподобного Серида, служил для всех полезным примером любви к ближнему и в то же время врачевал душевные язвы и немощи братьев. Глубокое смирение его выражается и в самых тех словах, которыми он говорит о сем в 11-м поучении своем: «Когда я был в общежитии, не знаю, как братия заблуждались (касательно меня) и исповедовали мне помышления свои, и игумен с советом старцев велел мне взять на себя эту заботу». Под его-то руководством преуспел в столь краткое время и тот простосердечный делатель послушания Досифей, описанию жизни которого посвящено несколько особых страниц сей книги. Имея с самого поступления в монастырь наставником своим св. Иоанна Пророка, преподобный Дорофей принимал от него наставления, как из уст Божиих, и считал себя счастливым, что в бытность свою в общежитии удостоился послужить ему, как сам он говорит об этом в поучении своем о Божественном страхе: «Когда я еще был в монастыре аввы Серида, случилось, что служитель старца аввы Иоанна, ученика аввы Варсонофия, впал в болезнь, и авва повелел мне служить старцу. А я и двери келии его лобзал извне (с таким же чувством), с каким иной поклоняется честному кресту, тем более (был я рад) служить ему». Подражая во всем примеру святых подвижников и исполняя делом благодатные наставления отцов своих, Великого Варсонофия, Иоанна и игумена Серида, преподобный Дорофей был несомненно и наследником их духовных дарований. Ибо Промысл Божий не оставил его под спудом неизвестности, но поставил на свещнике настоятельства; тогда как он желал уединения и безмолвия, что видно из его вопросов старцам.

По кончине аввы Серида и св. Иоанна Пророка, когда общий наставник их Великий Варсонофий совершенно заключился в своей келии, преподобный Дорофей удалился из общежития аввы Серида и был настоятелем. Вероятно, к этому времени относятся поучения, говоренные им своим ученикам; эти поучения (в числе 21) и несколько посланий составляют все, что осталось нам в наследие от писаний преподобного, хотя свет учения его распространялся не только в обителях иноческих, но и в мире; ибо многие, привлекаемые славою его подвигов и добродетелей, прибегали к нему за советами и наставлениями, о чем свидетельствует неизвестный писатель послания, служащего предисловием к его поучениям (который, как можно судить по содержанию его послания, знал лично преподобного Дорофея и, вероятно, был учеником его). Он говорит, что преподобный сообразно с дарованием, (данным ему от Бога), исполнял святое и мироносное служение равным образом в отношении к богатым и нищим, мудрым и невеждам, женам и мужам, старцам и юным, скорбящим и радующимся, чужим и своим, мирским и монахам, властям и подвластным, рабам и свободным; он всем постоянно был все и приобрел очень многих.

К крайнему сожалению, до нас не дошло полного жизнеописания сего великого подвижника, которое без сомнения было бы весьма назидательно. Выбрав из его собственных писаний то немногое, что мы теперь предложили читателям, считаем не лишним присоветовать к сему и свидетельство св. Феодора Студита о подлинности и чистоте писаний преподобного Дорофея. В завещании своем св. Феодор говорит о сем так: «Принимаю всякую Богодухновенную книгу Ветхого и Нового Завета, также и жития и Божественные писания всех Богоносных отцов, учителей и подвижников. Говорю же сие ради умовредного Памфила, который, придя с востока, оклеветал оных преподобных отцов, то есть Марка,

Исайю, Варсонофия, Дорофея и Исихия; не тех Варсонофия и Дорофея, которые были единомысленны с Акефалитами и с так называемым Декакератом (десятерогим) и были за сие преданы анафеме святым Софронием в его книге. Ибо сии совершенно отличны от вышеупомянутых мною, которых я, по преданию отцов, принимаю, вопросив о сем священноначальствовавшего святейшего Патриарха Тарасия и других достоверных восточных отцов; да и в учениях вышеупомянутых отцов я не нашел не только ни малейшего нечестия, напротив, многую душевную пользу». Согласно с сим свидетельствует и другой древний писатель Нил, слова которого напечатаны в виде предисловия в книге поучений преподобного аввы Дорофея в греческом подлиннике и в славянском его переводе. «Известно да будет, – говорит он, – касательно сей душеполезной книги, что было два Дорофея и два Варсонофия; одни недуговавшие учением Севира, а другие по всему православные и достигшие совершенства в подвигах (благочестия); сии-то самые и упоминаются в предлежащей книге, почему мы и принимаем оную с любовью, как произведение сего аввы Дорофея блаженного и славного в отцах».

**Послание о книге сей
к брату, просившему, чтобы прислали ему
найденные слова преподобного отца нашего
аввы Дорофея, которому и похвала здесь
содержится с кратким его жизнеописанием,
и сказание о жизни аввы Досифея**

Хвалю твое усердие, ублажаю твою благословенную и поистине добролюбивую душу за тцание о благом, многолюбезный брат. Ибо так трудолюбиво испытывать и истинно хвалить сочинения и дела блаженного поистине и Богодостойного отца нашего, дару Божию тезоименитого, значит хвалить добродетель, любить Бога и заботиться об истинной жизни. Похвала, по словам блаженного Григория, рождает соревнование, соревнование же – добродетель, а добродетель – блаженство. Итак, должно радоваться и сорадоваться поистине таковому твоему преуспеянию; ибо ты сподобился последовать стопам того, который подражал Кроткому и Смиренному сердцем, который, следуя душевному самоотвержению Петра и прочих учеников Христовых, так отвергнул от себя пристрастие к видимым вещам и так предал себя делам, угодным Богу, что и он, как я твердо знаю, мог с дерзновением сказать Спасителю: *се, мы оставихом вся и вслед Тебе идохом* (Мф. 19, 27). От того и скончався *вмале с Богом, исполни лета долга* (Прем. 4, 13). Не в видимых пустынях и горах пребывал он и не полагал великим иметь власть над дикими зверями; но он возлюбил душевную пустыню и желал приблизиться к горам вечным, дивно просвещающим, и наступать на душегубительные главы мысленных змей и скорпионов. Сих вечных гор он вскоре и сподобился достигнуть, с помощью Христовою, страдальческим отсечением своей воли; а отсечение своей воли открыло ему непогрешительный путь святых отцов, который показал ему блаженное оное бремя легким и спасительное и благое иго поистине благим. Отсечением же своей воли он научился лучшему и дивному способу возвышения – смирению, и принятую от святых старцев заповедь: «будь милостив и кроток» исполнил на самом деле, а чрез сие украсился всеми добродетелями. Блаженный всегда носил во устах оное старческое изречение: «Достигший отсечения своей воли достиг места покоя». Ибо он, старательно испытывав, нашел, что корень всех страстей есть самолюбие. На сие же самолюбие, рождающееся от сладостно-горькой нашей воли, наложив такое действительное лекарство (т. е. отсечение воли), он (вместе) с корнем заставил увянуть и лукавые отрасли, соделался истым возделателем бессмертных плодов и пожал истинную жизнь. Усердно поискав сокровенное на селе сокровище (Мф. 13), найдя и усвоив его себе, он обогатился поистине, получив богатство неистощимое. Я желал бы иметь достойную силу слова и мысли, чтобы сподобиться изложить по порядку и святое житие его на общую пользу, в очевидный пример добродетели, показав, как он шел тесным и вместе пространным, преславным и блаженным оным путем. Ибо тесным называется путь сей потому, что идет неуклонно и, не раздвояясь, держится между двух скользких стремнин – как Божий друг и великий поистине Василий объясняет тесноту прискорбного и спасительного пути. А пространным путь сей называется по причине беспристрастия и свободы шествующих по нему ради Бога и особенно по высоте смирения, которое одно только, как сказал Антоний Великий, бывает выше всех сетей диавольских. Поэтому и на нем (преподобном Дорофее) поистине исполнилось изречение: *широка заповедь Твоя зело* (Пс. 118, 96). Но сие, как невозможное для меня, я оставляю, хорошо зная, кроме всех других добрых свойств блаженного, и то, что он, подобно мудрой пчеле, облетая

цветы, и из сочинений светских философов, когда находил в них что-либо, могущее принести пользу, то без всякой лености в приличное время предлагал в поучении, говоря между прочим: «ничего в излишестве», и «познай самого себя», и тому подобные душеполезные советы, к исполнению которых побуждает меня, как было сказано, если не благоразумное произволение, то невольное мое бессилие. А что мне повелела ваша усердная и добролюбивая душа, то я смело и сделал, утрашаясь тяжести преслушания и боясь наказания за леность, и с сим писанием послал вам, благоразумным о Боге торжникам, лежащий у меня без действия талант, то есть найденные поучения сего блаженного: и те, которые он сподобился принять от своих отцов, и те, которые он сам передал своим ученикам, творя и уча по примеру нашего истинного Наставника и Спасителя. Хотя и не все слова сего святого могли мы найти, но только очень немногие, и те были (сперва) рассеяны по разным местам и уже по устройению Божию собраны некоторыми ревнителями; но довольно будет предложить и сие малое для правосмыслия разума твоего, по сказанному: *даждь премудрому вину, и премудрый будет* (Притч. 9, 9). Каков был блаженный Дорофей, к цели иноческого жития по Богу наставляемый и согласно намерению и житие восприявший, – я воспоминаю умом своим. В отношении к духовным отцам своим он имел крайнее отречение от вещей и искреннее повиновение по Богу, частое исповедание, точное и неизменное (хранение) совести и, в особенности, несравненное послушание в разуме, будучи во всем утверждаем верою и усовершенствуем любовью. В отношении к подвизавшейся с ним братии (он имел): стыдливость, смирение и приветливость без гордости и дерзости, а более всего – добродушие, простоту, неспорливость – корни благоговения и доброжелательства, и сладчайшего паче меда единодушия – матери всех добродетелей. В делах же – усердие и благоразумие, кротость и спокойствие, признак доброго нрава. Относительно вещей (которыми он распоряжался к общей пользе) в нем были: тщательность, опрятность, потребное без пышности. Все это вместе взятое с другими качествами в нем управляемо было Божественным рассуждением. А прежде всего и выше всего были в нем – смирение, радость, долготерпение, целомудрие, любовь к чистоте, внимательность и поучительность. Но кто начал бы вычислять все подробно, тот уподобился бы желающему исчислить дождевые капли и морские волны; да и никто не должен, как я сказал прежде, решаться на дело, превышающее его силы. Лучше предоставлю вам сие приятное исследование, и вы конечно насладитесь им и поймете, от какой жизни и от какого блаженного пребывания Божественным Промышлением, все ко благу устрояющим, приведен был к поучению и попечению о душах сей милосердный и сострадательный отец, поистине достойный учить и просвещать души, великий в разуме и величайший в простоте, великий в мудрости и больший в благоговении, высокий в видении и высочайший в смирении, богатый по Богу и нищий духом, словом сладкий и сладчайший в обращении, искусный врач для каждой болезни и каждого врачевания. Он сообразно с дарованием исполнял оное святое и мирносное служение равным образом в отношении к богатым и нищим, мудрым и невеждам, женам и мужам, старцам и юным, скорбящим и радующимся, чужим и своим, мирским и монахам, властям и подвластным, рабам и свободным. Он всем постоянно был все и приобрел очень многих. Но уже пора, возлюбленный, предложить тебе сладкую трапезу отеческих слов, которой каждая часть и изречение, даже самое малейшее, приносит немалую пользу и приобретение. Ибо хотя сей Божественный и дивный муж и высок был по дару слова, но, желая, по заповеди, снизойти и в этом и явить собой пример смиренномудрия, он предпочитал везде смиренный и простой образ выражения и невитиеватость речи. Ты же, найдя наслаждение, достойное твоего блаженного и искреннего рачения, радуйся и веселись, и подражай жизни тобою достойно вожделенного, моля Владыку всех и о моем неразумии. Сперва же скажу я вкратце о блаженном отце Досифее, который был первым учеником святого аввы Дорофея.

Сказание о блаженном отце Досифее, ученике св. аввы Дорофея

Блаженный поистине авва Дорофей, возлюбив иноческое по Богу житие, удалился в киновию отца Серида, где нашел многих великих подвижников, пребывавших в безмолвии, из коих превосходнее всех были два великие старца, св. Варсонофий и его ученик и сподвижник авва Иоанн, названный Пророком по дару прозорливости, который он имел от Бога. Им предал себя святой Дорофей в повиновение с полной уверенностью и беседовал с великим старцем чрез святого отца Серида; отцу же Иоанну Пророку сподобился и послужить. Вышеупомянутые святые старцы нашли нужным, чтобы преподобный Дорофей устроил больницу и, поместившись там, сам имел о ней попечение; ибо братия очень скорбели о том, что, впадая в болезни, не имели никого, пекущегося о них. И так он с помощью Божиею устроил больницу, при пособии родного брата своего, который снабдил его всем нужным для ее устройства, потому что был муж весьма христоролюбивый и монахолюбивый. Итак, авва Дорофей, как я сказал, с некоторыми другими благоговейными братьями служил больным и сам, как начальник больницы, имел надзор над сим заведением. Однажды послал за ним и призвал его к себе игумен авва Серид. Войдя к нему, он нашел там некоторого юношу в воинской одежде, весьма молодого и красивого собою, который пришел тогда в монастырь вместе с людьми князя, которых любил отец Серид. Когда авва Дорофей вошел, то авва Серид, отведя его в сторону, сказал ему: «Эти люди привели ко мне сего юношу, говоря, что он хочет остаться в монастыре и быть монахом; но я боюсь, не принадлежит ли он кому-нибудь из вельмож и если украл что-нибудь или сделал что-либо подобное и хочет скрыться, а мы примем его, то попадем в беду; ибо ни одежда, ни вид его не показывают человека, желающего быть монахом». Юноша сей был сродник некоторого воеводы, жил в большой неге и роскоши (ибо сродники таких вельмож всегда живут в большой неге) и никогда не слышал слова Божия. Однажды некоторые люди воеводы рассказывали при нем о святом граде (Иерусалиме). Услышав о нем, он возжелал видеть тамошнюю святыню и просил воеводу послать его посмотреть святые места. Воевода, не желая опечалить его, отыскал одного ближнего своего друга, отправляющегося туда, и сказал ему: «Сделай мне милость, возьми сего юношу с собою посмотреть святые места». Он же, приняв от воеводы сего молодого человека, оказывал ему всякую честь, берег его и предлагал ему вкушать пищу вместе с собой и женой своей. Итак, достигнув святого града и поклонившись святым местам, пришли они и в Гефсиманию, где было изображение Страшного Суда. Когда же юноша, остановившись пред сим изображением, смотрел на него со вниманием и удивлением, он увидел благолепную Жену, облеченную в багряницу, Которая стояла подле него и объясняла ему муку каждого из осужденных, и давала при том некоторые другие наставления от Себя. Юноша, слышав сие, изумлялся и дивился; ибо, как я уже сказал, он никогда не слышал ни слова Божия, ни того, что есть Суд. Итак, он сказал Ей: «Госпожа! Что должно делать, чтобы избавиться от сих мук?» Она отвечала ему: «Постись, не ешь мяса и молись часто, и избавишься от мук». Давши ему сии три заповеди, багряноносная Жена стала невидима и более не являлась ему. Юноша обошел все то место, ища Ее, полагая, что это была (обыкновенная) жена, но не нашел Ее: ибо то была Святая Мария Богородица. С тех пор юноша сей пребывал в умилении и хранил три заповеди, данные ему; а друг воеводы, видя, что он постится и не ест мяса, скорбел о сем за воеводу; ибо он знал, что воевода особенно берег сего юношу. Воины же, которые были с ним, видя, что он так себя ведет, сказали ему: «Юноша! То, что ты делаешь, неприлично человеку, хотящему жить в мире; если ты хочешь так жить, то иди в монастырь, и спасешь душу свою». А он, не зная ничего Божественного, ни того, что такое монастырь,

и соблюдая только слышанное от оной Жены, сказал им: «Ведите меня, куда знаете; ибо я не знаю, куда идти». Некоторые из них были, как я сказал, любимы аввою Серидом и, придя в монастырь, привели сего юношу с собой. Когда же авва Дорофей поговорить с ним, авва Дорофей испытывал его и нашел, что юноша не мог ничего другого сказать ему, как только: «Хочу спастись». Тогда он пришел и сказал авве: «Если тебе угодно принять его, не бойся ничего, ибо в нем нет ничего злого». Авва сказал ему: «Сделай милость, прими его к себе для его спасения; ибо я не хочу, чтобы он был посреди братии». Авва Дорофей, по благоговению своему, долго отказывался от сего, говоря: «Выше силы моей принять на себя чью-либо тяготу, и не моей это меры». Авва отвечал ему: «Я ношу и твою и его тяготу; о чем же ты скорбишь?» Тогда блаженный Дорофей сказал ему: «Когда ты решил таким образом, то возвести о сем старцу, если тебе угодно». Авва отвечал ему: «Хорошо, я скажу ему». И он пошел и возвестил о сем великому старцу. Старец же сказал блаженному Дорофею: «Прими сего юношу, ибо чрез тебя Бог спасет его». Тогда он принял его с радостью и поместил его с собой в больнице. Имя его было Досифей.

Когда пришло время вкушать пищу, авва Дорофей сказал ему: «Ешь до сытости, только скажи мне, сколько ты съешь». Он пришел и сказал ему: «Я съел полтора хлеба, а в хлебе было четыре литры». Авва Дорофей спросил его: «Довольно ли тебе сего, Досифей?» Тот отвечал: «Да, господин мой, мне довольно сего». Авва спросил его: «Не голоден ты, Досифей?» Он отвечал ему: «Нет, владыко, не голоден». Тогда авва Дорофей сказал ему: «В другой раз съешь один хлеб, а другую половину хлеба раздели пополам, съешь одну четверть, другую же четверть раздели на двое, съешь одну половину». Досифей исполнил так. Когда же авва Дорофей спросил его: «Голоден ли ты, Досифей?» Он отвечал: «Да, господине, немного голоден». Через несколько дней опять говорил ему: «Каково тебе, Досифей? Продолжаешь ли ты чувствовать себя голодным?» Он отвечал ему: «Нет, господине, молитвами твоими мне хорошо». Говорит ему авва: «И так отложи и другую половину четверти». И он исполнил сие. Опять через несколько дней (авва Дорофей) спрашивает у него: «Каково тебе теперь (Досифей), не голоден ли ты?» Он отвечал: «Мне хорошо, господине». Говорит ему авва: «Раздели и другую четверть надвое и съешь половину, а половину оставь». Он исполнил сие. И так, с Божиею помощью, мало-помалу, от шести литр, а литра имеет двенадцать унций, он остановился на осьми унциях, т. е. шестидесяти четырех драхмах. Ибо и употребление пищи зависит от привычки.

Юноша сей был тих и искусен во всяком деле, которое исполнял. Он служил в больнице больным, и каждый был успокоен его служением, ибо он все делал тщательно. Если же случалось ему оскорбиться на кого-нибудь из больных и сказать что-либо с гневом, то он оставлял все, уходил в келарню (кладовую) и плакал. Когда же другие служители больницы входили утешать его, и он оставался неутешным, то они приходили к отцу Дорофею и говорили ему: «Сделай милость, отче, пойди и узнай, что случилось с этим братом: он плачет, и мы не знаем, отчего». Тогда авва Дорофей входил к нему и, найдя его сидящим на земле и плачущим, говорил ему: «Что такое, Досифей, что с тобою? О чем ты плачешь?» Досифей отвечал: «Прости меня, отче, я разгневался и худо говорил с братом моим». Отец отвечал ему на это: «Так-то, Досифей, ты гневаешься и не стыдишься, что гневаешься и обижаешь брата своего? Разве ты не знаешь, что он есть Христос, и что ты оскорбляешь Христа?» Досифей преклонял с плачем голову и ничего не отвечал. И когда авва Дорофей видел, что он уже довольно плакал, то говорил ему тихо: «Бог простит тебя. Встань, отныне положим начало (исправления себя); постарайся, и Бог поможет». Услышав это, Досифей тотчас же вставал и с радостью спешил к своему служению, как бы поистине от Бога получил прощение и извещение. Таким образом служащие в больнице, узнав его обыкновение, когда видели его плачущим, говорили: «Что-нибудь случилось с Досифеем, он опять в чем-нибудь согрешил», и говорили блаженному Дорофею: «Отче, войди в кладовую, там тебе есть дело». Когда же

он входил и находил Досифея, сидящего на земле и плачущего, то догадывался, что он сказал кому-нибудь худое слово. И говорил ему: «Что такое, Досифей? Или ты опять оскорбил Христа? Или опять разгневался? Не стыдно ли тебе? Почему ты не исправляешься?» А тот продолжал плакать. Когда же (авва Дорофей) опять видел, что он насытился плачем, то говорил ему: «Встань, Бог да простит тебя; опять положи начало и исправься наконец». Досифей тотчас же с верою отвергал печаль оную и шел на дело свое. Он очень хорошо постилал больным постели и имел такую свободу в исповедании своих помыслов, что часто, когда постилал постель и видел, что блаженный Дорофей проходит мимо, говорил ему: «Отче, отче, помысл говорит мне: ты хорошо постилаешь». И отвечал ему авва Дорофей: «О диво! Ты стал хорошим рабом, отличным постельничим, а хороший ли ты монах?»

Никогда авва Дорофей не позволял ему иметь пристрастие к какой-либо вещи или к чему бы то ни было; и все, что он говорил, Досифей принимал с верою и любовью и во всем усердно слушал его. Когда ему нужна была одежда, авва Дорофей давал ему оную (шить самому), и он уходил и шил ее с большим старанием и усердием. Когда же он оканчивал ее, блаженный призывал его и говорил: «Досифей, сшил ли ты ту одежду?» Он отвечал: «Да, отче, сшил и хорошо ее отделал». Авва Дорофей говорил ему: «Поди и отдай ее такому-то брату или тому-то больному». Тот шел и отдавал ее с радостью. Блаженный опять давал ему другую и так же, когда тот сшивал и оканчивал ее, говорил ему: «Отдай ее сему брату». Он отдавал тотчас и никогда не поскорбел и не пороптал, говоря: «Всякий раз, когда я сошью и старательно отделаю одежду, он отнимает ее от меня и отдает другому»; но все хорошее, что он слышал, исполнял с усердием.

Однажды некто из посылаемых на послушание вне монастыря принес хороший и очень красивый нож. Досифей взял его и показал отцу Дорофею, говоря: «Такой-то брат принес этот нож, и я взял его, чтобы, если повелишь, иметь его в больнице, потому что он хорош». Блаженный же Дорофей никогда не приобретал для больницы ничего красивого, но только то, что было хорошо в деле. И потому сказал Досифею: «Покажи, я посмотрю хорош ли он». Он подал ему, говоря: «Да, отче, он хорош». Авва увидел, что это действительно вещь хорошая, но так как не хотел, чтобы Досифей имел пристрастие к какой-либо вещи, то и не велел ему носить сего ножа и сказал: «Досифей! Ужели тебе угодно быть рабом сему, а не рабом Богу? Или тебе угодно связать себя пристрастием к ножу сему? Или ты не стыдишься, желая, чтобы обладал тобою сей нож, а не Бог?» Он же, слыша это, не поднимал головы, но, поникнув лицом долу, молчал. Наконец, побранив его довольно, авва Дорофей сказал ему: «Поди и положи нож в больницу и никогда не прикасайся к нему». И Досифей так остерегался прикасаться к ножу сему, что не дерзал его брать и для того, чтобы подать когда-нибудь другому; и тогда как другие служители брали его, он один не прикасался к нему. И никогда не сказал: «Не таков ли и я, как все прочие?», но все, что он ни слышал от отца, исполнял с радостью. Так провел он недолгое время своего пребывания в монастыре, ибо он прожил в нем только пять лет и скончался в послушании, никогда и ни в чем не исполнив своей воли и не сделав ничего по пристрастию. Когда же он впал в болезнь и стал харкать кровью (от чего и умер), услышал он от кого-то, что недоваренные яйца полезны харкающим кровью. Это было известно и блаженному Дорофею, который заботился о его исцелении; но, по множеству дел, средство это не пришло ему на ум. Досифей сказал ему: «Отче, хочу сказать тебе, что я слышал о вещи, полезной для меня, но не хочу, чтобы ты дал мне ее, потому что помысл о ней беспокоит меня». Дорофей отвечал ему (на сие): «Скажи мне, чадо, какая эта вещь?» Он отвечал ему: «Дай мне слово, что ты не дашь ее, потому что, как я сказал, помысл смущает меня о сем». Авва Дорофей говорит ему: «Хорошо, я сделаю, как ты желаешь». Тогда больной сказал ему: «Я слышал от некоторых, что недоваренные яйца полезны харкающим кровью, но, Господа ради, если тебе угодно, чего ты прежде не дал мне сам от себя, того не давай мне и теперь ради моего помысла». Авва отвечал ему: «Хорошо,

если не хочешь, то я не дам тебе, только не скорби». И он старался вместо яиц давать ему другие полезные для него лекарства; ибо Досифей прежде сказал, что помысл смущает его касательно яиц. Вот как он подвизался отсечь свою волю даже и в такой болезни.

Он имел всегда и память Божию, ибо (авва Дорофей) заповедал ему постоянно говорить: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя», и между этим: «Сыне Божий, помози ми»; так он всегда произносил эту молитву. Когда же болезнь его весьма усилилась, блаженный сказал ему: «Досифей, заботься о молитве; смотри, чтобы не лишиться ее». Он отвечал: «Хорошо, отче, (только) молись о мне». Опять, когда ему сделалось еще хуже, (блаженный) сказал ему: «Что, Досифей, как молитва, продолжается ли по-прежнему?» Он отвечал ему: «Да, отче, твоими молитвами». Когда же ему стало весьма трудно, и болезнь так усилилась, что его носили на простыне, авва Дорофей спросил у него: «Как молитва, Досифей?» Он отвечал: «Прости, отче, более не могу держать ее». Тогда сказал ему (авва Дорофей): «Итак оставь молитву, только вспоминай Бога и представляй себе Его как Сущего пред тобою». Страдая сильно, Досифей возвестил о сем великому старцу, говоря: «Отпусти меня, более не могу терпеть». На сие старец отвечал ему: «Терпи, чадо, ибо близка милость Божия». Блаженный же Дорофей, видя, что он так сильно страдал, скорбел о сем, боясь, чтобы он не повредился умом. Через несколько дней Досифей опять возвестил о себе старцу, говоря: «Владыко мой, не могу более (жить)»; тогда старец отвечал ему: «Иди, чадо, с миром, предстань Святой Троице и молись о нас». Услышав сей ответ старца, братия начали негодовать и говорить: «Что он сделал особенного, или каков был подвиг его, что он услышал сии слова?» Ибо они действительно не видели, чтобы Досифей особенно подвизался, или вкушал пищу через день, как делали некоторые из бывших там, или чтобы он бодрствовал прежде обычного бдения, но и на самое бдение вставал не к началу; также не видели, чтобы он имел особенное воздержание, но, напротив, примечали, что если случайно оставалось от больных немного соку или рыбьих голов или чего-нибудь подобного, то он ел это. А там были иноки, которые, как я сказал, долгое время вкушали пищу через день и удваивали свои бдения и воздержание. Они-то, услышав, что старец послал таковой ответ юноше, пробывшему в монастыре только пять лет, смущались, не зная делания его и несомненного во всем послушания, что он никогда ни в чем не исполнил своей воли, что, если случалось когда-нибудь блаженному Дорофею сказать ему слово, смеясь над ним (и как бы что-нибудь приказывая), то он поспешно шел и исполнял это без рассуждения. Например, сначала он по привычке говорил громко; блаженный Дорофей, смеясь над ним, однажды сказал ему: «Тебе нужен вукократ, Досифей? Хорошо, пойдя же возьми вукократ». Он, услышав это, пошел и принес чашу с вином и хлебом и подал ему, чтобы принять благословение. Авва Дорофей, не понимая этого, посмотрел на него с удивлением и сказал: «Чего ты хочешь?» Он отвечал: «Ты велел мне взять вукократ, так дай мне благословение». Тогда он сказал: «Бессмысленный, так как ты кричишь подобно готфам, которые кричат, когда (напьются) и рассердятся, то и я сказал тебе: возьми вукократ, ибо ты говоришь как готф». Досифей же, услышав это, поклонился и отнес обратно принесенное им. Однажды пришел он также спросить (авву Дорофея) об одном изречении Святого Писания; ибо ради чистоты своей он начал понимать Святое Писание. Блаженный же Дорофей не хотел, чтобы он вдавался в это, но чтобы лучше охранялся смирением. Итак, когда Досифей спросил его, он отвечал ему: «Не знаю». Но тот, не поняв (намерения отца своего), опять пришел и спросил его о другой главе. Тогда он сказал ему: «Не знаю, но пойдя и спроси отца игумена»; и Досифей пошел, уже нимало не рассуждая. Авва же Дорофей предварительно сказал игумену: «Если Досифей придет к тебе спросить что-нибудь из Писания, то побей его слегка». Итак, когда он пришел и спросил (игумена), тот начал толкать его, говоря: «Зачем ты не сидишь спокойно (в своей келии) и не молчишь, когда ты ничего не знаешь? Как смеешь ты спрашивать о таких предметах? Что не заботишься о нечистоте своей?» И сказав ему еще несколько подобных выражений, игумен

отослал его, дав ему и два легких удара по щекам. Досифей, возвратясь к авве Дорофею, показал ему свои щеки, покрасневшие от ударений, и сказал: «Вот я получил чего спросил». Но не сказал ему: «Зачем ты сам не вразумил меня, а послал к отцу (игумену)?» Он не сказал ничего подобного, но все (что говорил ему отец его) принимал с верою и исполнял, не рассуждая. Когда же он вопрошал авву Дорофея о каком-либо помысле, то с такой уверенностью принимал слышанное и так соблюдал оное, что во второй раз уже не спрашивал (старца) о том же помысле.

Итак, не понимая, как я сказал, чудного сего делания, некоторые из братии роптали о сказанном Досифею от великого старца. Когда же Бог восхотел явить славу, уготованную ему за святое его послушание, а также и дар ко спасению душ, который имел блаженный авва Дорофей, хотя и был еще учеником, сподобившись так верно и скоро наставить Досифея к Богу, тогда в скором времени по блаженной кончине Досифея случилось следующее: один великий старец из другого места, пришедши к находившимся там (в киновии аввы Серида) братьям, возжелал видеть прежде почивших святых отцов сей киновии и помолился Богу, чтобы Он открыл ему о них. И увидел их всех вместе, стоящих как бы в лике, посреди же их был некоторый юноша. Старец после спросил: «Кто тот юноша, которого я видел среди святых отцов?» И когда он описал приметы лица его, то все узнали, что это был Досифей, и прославили Бога, удивляясь, от какой жизни и от какого прежнего пребывания в какую меру сподобился он достигнуть в столь короткое время тем, что имел послушание и отсекал свою волю. За них всех воздадим славу человеколюбивому Богу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

**Преподобного отца нашего аввы Дорофея
душеполезные поучения к своим ученикам,
*составленные им, когда он вышел из обители
аввы Серида и основал с помощью Божиею
свой собственный монастырь, после кончины
аввы Иоанна, названного Пророком, и по
совершенном молчании аввы Варсонофия.***

**Пучение первое
Об отвержении мира**

Вначале, когда Бог сотворил человека (Быт. 2, 20), Он поместил его в рай, как говорит Божественное и Святое Писание, и украсил его всякою добродетелью, дав ему заповедь не вкушать от древа, бывшего посреди рая. И так он пребывал там в наслаждении райском: в молитве, в созерцании, во всякой славе и чести, имея чувства здравые и находясь в том естественном состоянии, в каком был создан. Ибо Бог сотворил человека по образу Своему, то есть бессмертным, самовластным и украшенным всякой добродетелью. Но когда он преступил заповедь, вкушивши плод древа, от которого Бог заповедал ему не вкушать, тогда он был изгнан из рая (Быт. 3), отпал от естественного (состояния) и впал в противоестественное, и пребывал уже в грехе, в славолубии, в любви к наслаждениям века сего и в прочих страстях, и был обладаем ими, ибо сам сделался рабом их чрез преступление. Тогда мало-помалу начало возрастать зло, и воцарилась смерть. Нигде не стало Богопочтения, а повсюду было неведение Бога. Только немногие, как сказали отцы наши, побуждаемые естественным законом, знали Бога, каковы были: Авраам и прочие патриархи, и Ной, и Иаков, короче сказать, очень немногие и весьма редкие знали Бога.

Ибо тогда враг излил всю злобу свою; и поелику воцарился грех, то начались: идолослужение, многобожие, чародейства, убийство и прочее диавольское зло. И тогда-то благий Бог, умилосердившись над Своим созданием, дал чрез Моисея написанный закон, в котором одно запретил, а другое повелел, как бы говоря: это делайте, а сего не делайте. Он дал заповедь и прежде всего говорит: *Господь Бог твой, Господь един есть* (Втор. 6, 4), чтобы чрез сие отвлечь ум их от многобожия. И опять говорит: *и возлюбиши Господа Бога твоего всею душею твоею, и всею мыслию твоею* (ст. 5). И везде возвещает, что един Бог, и един Господь, и что нет иного. Ибо сказав: *Возлюбиши Господа Бога твоего*, Он по казал, что един есть Бог и един Господь. И опять в Десятословии говоря: *Господу Богу твоему поклонишия, и Тому Единому послужиши, и к Нему прилепишия, и именем Его клянешися* (Втор. 6, 13), потом присовокупляет: *да не будут тебе бози инии, ниже всяко подобие, елика на небеси горе, и елика на земли низу* (Исх. 20, 3, 4), ибо люди служили всем тварям.

Итак, благий Бог дал закон в помощь для обращения от зла, для исправления оногo; однако оно не исправилось. Послал пророков, но и они успеха не имели, ибо зло превозмогло, как говорит Исайя: *ни струп, ни язва, ни рана палящаяся, несть пластыря приложити, ниже еля, ниже обязания* (Ис. 1, 6). Как бы сказал: зло не частное, не на одном месте, но во всем теле обьяло всю душу, овладело всеми силами ее, *несть пластыря приложити* и проч., то есть все стало подвластно греху, всем он обладает. И Иеремия также гово-

рит: *врачевахом Вавилона, и не исцеле* (Иер. 51, 9); то есть мы явили имя Твое, возвестили заповеди Твои, благодеяния и обетования, предсказали Вавилону нашествие врагов, но он не исцелел, то есть не покался, не убоился, не обратился от злых дел своих. Так и в другом месте говорит: *наказания не прияты* (Иер. 2, 30), т. е. вразумления или наставления. И в псалме сказано: *всякого брашна возгнушася душа их, и приближишася до врат смертных* (Пс. 106, 18). Тогда наконец преблагий и человеколюбивый Бог послал Единородного Сына Своего; ибо один только Бог мог исцелить такую болезнь, и это было безызвестно пророкам. Посему и пророк Давид ясно говорит: *седяи на Херувимех явися, воздвигни силу Твою, и прииди во еже спасти нас* (Пс. 79, 2, 3); и: *Господи, приклони небеса, и сними* (Пс. 143, 5), и тому подобное. И другие пророки различным образом изрекли многое: одни, моля, чтобы Он снисшел, другие, извещая, что Он непременно снисдет.

Итак, пришел Господь наш, сделавшись нас ради человеком, чтобы, как говорит св. Григорий, подобным исцелить подобное, душою душу, плотью плоть; ибо Он по всему, кроме греха, стал человеком. Он принял самое естество наше, начаток нашего состава, и сделался новым Адамом по образу Бога, создавшего первого Адама; обновил естественное состояние и чувства сделал опять здоровыми, какими они были в начале. Сделавшись человеком, восставил падшего человека, освободил его, поработленного грехом и насильственно им обладаемого. Ибо с насилием и мучительно владел враг человеком, так что и не хотевшие грешить невольно согрешали, как говорит апостол от лица нашего: *не еже бо хощу доброе, творю: но еже не хощу злое, сие содеваю* (Рим. 7, 19).

Итак, Бог, сделавшись ради нас человеком, освободил человека от мучительства вражия. Ибо Бог низложил всю силу врага, сокрушил самую крепость его и избавил нас от владычества его, и освободил нас от повиновения и рабства ему, если только мы сами не захотим согрешать произвольно. Потому что Он дал нам власть, как Он сказал, *наступать на змию и на скорпию, и на всю силу вражю* (Лк. 10, 19), очистив нас святым крещением от всякого греха; ибо святое крещение отъемлет и истребляет всякий грех. При том преблагий Бог, зная немощь нашу и предвидя, что мы и по святом крещении будем согрешать, как сказано в Писании, что *прилежит помышление человеку прилежно на злая от юности его* (Быт. 8, 21), дал нам по благодати Своей святые заповеди, очищающие нас; дабы мы, если пожелаем, могли опять соблюдением заповедей очиститься не только от грехов наших, но и от самых страстей. Ибо иное суть страсти, и иное грехи.

Страсти суть: гнев, тщеславие, сластолюбие, ненависть, злая похоть и тому подобное. Грехи же суть самые действия страстей, когда кто приводит их в исполнение на деле, то есть совершает телом те дела, к которым побуждают его страсти; ибо можно иметь страсти, но не действовать по ним.

И так Он дал нам, как я сказал, заповеди, очищающие (нас) и от самых страстей наших, от самых худых залогов, (находящихся) во внутреннем человеке нашем: ибо дает ему силу различать добро и зло, возбуждает его, показывает ему причины, по которым он впадает в согрешения, и говорит: *закон сказал: не прелюбодействуй, а Я говорю: даже не похотствуй. Закон сказал: не убивай, а Я говорю: даже не гневайся* (Мф. 5, 27, 28). Ибо если ты будешь похотствовать, хотя бы ты сегодня и не прелюбодействовал, но похоть не перестанет внутренне смущать тебя, пока не вовлечет и в самое действие. Если ты гневаешься и раздражаешься на брата своего, то когда-нибудь впадешь и в злословие, (потом) начнешь и коварствовать (против него) и, таким образом, мало-помалу, идя вперед, дойдешь наконец и до убийства. Еще закон говорит: *око за око, зуб за зуб*, и прочее (Лев. 24, 20). Христос же учит не только терпеливо переносить удар по ланите, но и со смирением обращать другую ланиту. Ибо тогда цель закона была научить нас не делать того, от чего сами не хотим пострадать, потому он и останавливал нас от делания зла страхом, чтобы самим не пострадать (от того же). Ныне же требуется, как я сказал, изгнать самую ненависть, самое сластолюбие, самое

славолюбие и прочие страсти. Словом, теперь цель Владыки нашего Христа есть научить нас, от чего мы впали во все грехи сии, от чего постигли нас такие злые дни. И так сперва, как я уже сказал, Он освободил нас святым крещением, подав нам свободу делать добро, если пожелаем, и не увлекаться уже, так сказать, насильственно ко злу; ибо того, кто порабощен грехами, они отягощают и увлекают, как и сказано, что каждый связывается узами своих грехов (Притч. 5, 22).

Потом Он научает нас, как посредством святых заповедей очищаться и от самых страстей, чтобы чрез них не впасть опять в те же грехи. Наконец, показывает нам и причину, от которой приходит человек в небрежение и преслушание самих Заповедей Божиих, и таким образом подает нам врачевство и противу сей причины, дабы мы смогли сделаться послушными и спастись. Какое же это врачевство и какая причина небрежения? Послушайте, что говорит Сам Господь наш: *научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). Вот здесь Он показал нам вкратце, одним словом корень и причину всех зол и врачевство от оных, – причину всего благого: показал, что возношение низложило нас, что невозможно иначе получить помилование, как чрез противоположное ему, то есть смиренномудрие. Ибо возношение рождает пренебрежение, преслушание и гибель, как и смиренномудрие рождает послушание и спасение души. Разумею же истинное смиренномудрие, не в словах только или во внешнем образе смирение, но собственно смиренный залог, утвердившийся в самом сердце. Итак, желающий найти истинное смирение и покой душе своей, да научится смиренномудрию и увидит, что в нем всякая радость и всякая слава, и весь покой, как и в гордости все противное. Ибо от чего подверглись мы всем скорбям сим? Не от гордости ли нашей? Не от безумия ли нашего? Не от того ли, что мы не обуздываем злого произволения нашего? Не от того ли, что мы держимся горького своеволия нашего? Да и от чего же более? Не был ли человек, по сотворении своем, во всяком наслаждении, во всякой радости, во всяком покое, во всякой славе? Не был ли он в раю? Ему было повелено не делать сего, а он сделал. Видишь ли гордость? Видишь ли упрямство? Видишь ли непокорность?

После сего Бог, видя такое бесстыдство, говорит: он безумен, он не умеет наслаждаться радостью. Если он не испытает злключения, то пойдет (еще) далее и совершенно погибнет. Ибо если не узнает, что такое скорбь, то не узнает и что такое покой. Тогда (Бог) воздал ему то, чего он был достоин, и изгнал его из рая. И (человек) был предан собственному своему самолюбию и собственной воле, чтобы они сокрушили кости его, чтобы он научился следовать не самому себе, но Заповедям Божиим, чтобы самое злострадание преслушания научило его покою послушания, как сказано у Пророка: *накажет тя отступление твое* (Иер. 2, 19). Однако благодать Божия, как я часто говорил, не презрела Своего создания, но опять увещевает, опять призывает: *Приидите ко Мне, вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28). Как бы говорит: вот вы трудились, вот вы пострадали, вот вы испытали злые (следствия) вашей непокорности; придите же теперь, обратитесь; придите, познайте немощь свою, дабы войти в покой и славу вашу. Придите, оживотворите себя смиренномудрием вместо высокоумия, которым вы себя умертвили. *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). О удивление, братья мои, что делает гордость! О чудо, сколь сильно смиренномудрие! Ибо какая была нужда во всех сих превратностях? Если бы человек сначала смирился, послушал Бога и сохранил заповедь, то не пал бы.

Опять, по падении Бог дал ему возможность покаяться и быть помилованным; но выяз его осталась непреклонною. Ибо Бог пришел, говоря ему: *Адаме, где еси?* – то есть из какой славы в какой стыд пришел ты? И потом, вопрошая его: зачем ты согрешил, зачем преступил заповедь? – приготовлял его собственно к тому, чтобы он сказал: «Прости». Но нет смирения! Где слово «прости»? Нет покаяния, но совсем противное. Ибо он прекословит и возра-

жает: *жена, юже ми еси дал, прельсти мя*, и не сказал: «жена моя прельсти мя», но *жена, юже ми еси дал*, как бы говоря: «Это беда, которую Ты навел на главу мою». Ибо так всегда бывает, братия мои: когда человек не хочет порицать себя, то он не усомнится обвинять и Самого Бога. Потом Бог приходит к жене и говорит ей: почему и ты не сохранила заповеди? Как бы собственно внушал ей: скажи по крайней мере ты: «Прости», чтобы смирилась душа твоя и ты была помилована. Но опять не слышит слова «прости». Ибо и она отвечает: *змиий прельсти мя*; как бы сказала: змий согрешил, а мне какое дело? Что вы делаете, окаянные? Покайтесь, познайте согрешение ваше, пожалейте о наготе своей. Но никто из них не захотел обвинить себя; ни в одном не нашлось и малого смирения. Итак, вы видите теперь ясно, до чего дошло устройство наше. Вот в какие и коликие бедствия ввело нас то, что мы оправдываем самих себя, что держимся своей воли и следуем самим себе. Все это исчадия гордости, враждебной Богу. А чада смиренномудрия суть: самоукорение, недоверие своему разуму, ненавидение своей воли; ибо чрез них человек сподобляется прийти в себя и возвратиться в естественное состояние чрез очищение себя святыми заповедями Христовыми. Без смирения нельзя повиноваться заповедям и достигнуть чего-либо благого, как сказал и авва Марк: «Без сокрушения сердечного невозможно освободиться от зла и приобрести добродетель».

Итак, через сокрушение сердечное человек делается послушным заповедям, освобождается от зла, приобретает добродетели и потом восходит в покой свой. Зная сие, и святые всячески старались смиренной жизнью соединить себя с Богом. Ибо были некоторые боголюбивые люди, которые по святом крещении не только пресекли действия страстей, но восхотели победить и самые страсти и быть бесстрастными, каковы были святые Антоний и Пахомий и прочие богоносные отцы. Они имели благое намерение очистить самих себя, как говорит апостол, *от всякия скверны плоти и духа* (2 Кор. 7, 1); ибо знали, что сохранением заповедей, как мы уже сказали, очищается душа, и, так сказать, очищается и ум, и прозревает, и приходит в естественное состояние; ибо *заповедь Господня светла, просвещающая очи* (Пс. 18, 9). Они поняли, что, находясь в мире, не могут удобно совершать добродетели, и измыслили себе особенный образ жизни, особенный порядок провождения времени, особенный образ действия, словом, – монашеское житие, и начали убегать от мира и жить в пустынях, (подвизаясь) в постах, во бдениях; спали на голой земле и (терпели) другое злострадание, совершенно отрекались от отечества и сродников, имений и приобретений, одним словом, распяли себя миру. И не только сохранили заповеди, но и принесли Богу дары; и объясню вам, как они это сделали. Заповеди (Христовы) даны всем христианам, и всякий христианин обязан исполнять их; они, так сказать, дань, должная царю. И кто, отрекающийся давать дани царю, избег бы наказания? Но есть в мире великие и знатные люди, которые не только дают дани царю, но приносят ему и дары; таковые сподобляются великой чести, великих наград и достоинств. Так и отцы: они не только сохранили заповеди, но и принесли Богу дары. Дары же сии суть: девство и нестяжание. Это не заповеди, но дары; ибо нигде не сказано в Писании: не бери жены, не имей детей. Также и Христос, говоря: *продаждь имения твоя* (Мф. 19, 21), не дал этим заповеди. Но когда приступил к Нему законник и сказал: *Учителю благий, что сотворив, живот вечный наследую*, (Христос) отвечал: ты знаешь заповеди: не убий, не прелюбодействуй, не укради, не лжесвидетельствуй на ближнего своего и проч. Когда же тот сказал: *сия вся сохранил от юности моя*, (Господь) присовокупил: *аще хочещи совершен быти, продаждь имение твое, и даждь нищим* и проч. (Мф. 19, 21). Он не сказал: продай имение твое, как бы повелевая, но советуя; ибо слова: *аще хочещи* не суть слова повелевающего, но советующего.

Итак, как мы сказали, отцы принесли Богу вместе с иными добродетелями и дары: девство и нестяжание, и как мы упомянули прежде, распяли себе мир. Но потом подвизались распять и себя миру, как говорит апостол: *мне мир распяся, и аз миру* (Гал. 6, 14). Какое же между этим различие? Как мир распинается человеку, и человек миру? Когда человек отре-

кается от мира и делается иноком, оставляет родителей, имения, приобретения, торговлю, даяние (другим) и приятие (от них), тогда распинается ему мир; ибо он отверг его. Это и значат слова апостола: *мне мир распяся*; потом он прибавляет: *и аз миру*. Как же человек распинается миру? Когда, освободившись от внешних вещей, он подвизается и против самых услаждений, или против самого вожделения вещей и против своих пожеланий и умертвит свои страсти, тогда и сам он распинается миру и сподобляется сказать с апостолом: *мне мир распяся, и аз миру*.

Отцы наши, как мы сказали, распяв себе мир, предались подвигам и распяли и себя миру. А мы думаем, что распяли себе мир, потому что оставили его и пришли в монастырь; себя же не хотим распять миру, ибо любим еще наслаждения его, имеем еще пристрастие к снедам, к одеждам; если у нас есть какие-нибудь хорошие рабочие орудия, то мы пристрастны и к ним и позволяем какому-нибудь ничтожному орудию произвести в нас оное мирское пристрастие, как сказал авва Зосима. Мы думаем, что, вышедши из мира и придя в монастырь, оставили все мирское; но и здесь ради ничтожных вещей исполняем пристрастия мирские. Это происходит с нами от многого неразумия нашего, что, оставив великие и многоценные вещи, мы посредством каких-нибудь ничтожных исполняем страсти наши; ибо каждый из нас оставил то, что имел: имевший великое оставил великое и имевший что-нибудь и тот оставил, что имел, каждый по силе своей; и приходим в монастырь, но, как я сказал, маловажными вещами исполняем пристрастие наше. Однако мы не должны так делать; но, как мы отреклись от мира и вещей его, так должны отречься и от самого пристрастия к вещам и знать, в чем состоит сие отречение, и зачем мы пришли в монастырь, и что значит одеяние, в которое мы облеклись; должны сообразоваться с ним и подвизаться подобно отцам нашим.

Одеяние, которое мы носим, состоит из мантии, не имеющей рукавов, кожаного пояса, аналава и куколя; а все это суть символы. И мы должны знать, что означают символы одеяния нашего. Итак, для чего мы носим мантию, не имеющую рукавов? Между тем как все другие имеют рукава, мы почему не имеем их? Рукава суть подобие рук, а руки принимаются для обозначения действия. Итак, когда приходит нам помысл сделать что-либо руками ветхого нашего человека, как, например, украсть или ударить и вообще сделать руками нашими какой-либо грех, то мы должны обратить внимание на одеяние наше и вспомнить, что не имеем рукавов, то есть не имеем рук, чтобы сделать какое-либо дело ветхого человека. При этом мантия наша имеет и некоторый знак багряного цвета. Что же значит сей багряный знак? Каждый царский воин имеет на своей епанче багряницу.

Ибо так как царь носит багряную одежду, то и все воины его нашивают на епанчи свои багряницу, то есть отличие царское, чтобы по этому узнавали их, что они принадлежат царю и ему служат. Так и мы носим багряный знак на мантии нашей, показывая, что мы стали воинами Христовыми и что обязаны терпеть все страдания, какие Он претерпел за нас. Ибо когда Владыка наш страдал, то Он был одет в багряную ризу, во-первых, как Царь, ибо Он есть Царь царствующих и Господь господствующих, потом же и как поруганный оными нечестивыми людьми. Так и мы, имея багряный знак, даем обет, как я сказал, переносить все страдания Его. И как воин не должен оставлять службы своей для того, чтобы сделаться земледельцем или купцом, ибо иначе он лишится своего сана, как говорит Апостол: *никтоже воин бывая, обязуется куплями житейскими, да воеводе угоден будет* (2 Тим. 2, 4); так и мы должны подвизаться и не заботиться ни о чем мирском и служить единому Богу, дабы, как сказано, быть девою, прилежно занятою своим делом и безмолвною (2 Кор. 11, 2).

Есть у нас и пояс. Для чего же мы носим его? Пояс, который мы носим, есть символ, во-первых, того, что мы готовы на дело: ибо каждый, желающий что-либо делать, сперва опоясывается и потом начинает дело, как и Господь говорит: *да будут чресла ваша препоясана* (Лк. 12, 35); во-вторых, для того, что как пояс взят от мертвого тела, так и мы должны умерт-

вить похоть нашу: ибо пояс носится на чреслах наших, где находятся и почки, в которых, как говорят, заключается похотная часть души. И сие-то есть сказанное апостолом: *умертвите уды ваша, яже на земли, блуд, нечистоту* и проч. (Кол. 3, 5).

Имеем также и аналав, который полагается на плечах наших крестообразно. А сие значит, что мы носим на раменах наших знамение креста, как говорит (Господь): *возми крест свой, и последуй Ми* (Мк. 8, 34). Что же есть крест? – Не что иное, как совершенное умерщвление, которое совершается в нас верою во Христа. Ибо вера, как сказано в Отечнике, устраняет всегда препятствия и делает для нас удобным тот подвиг, который ведет нас к такому совершенному умерщвлению, то есть чтобы человек умер для всего мирского. И если он оставил родителей, то пусть подвизается и против пристрастия (к ним); также, если кто отрекся от имений и приобретений и (вообще) от какой-либо вещи, то он должен отречься от самого пристрастия своего к ней, как мы уже сказали. В сем-то и состоит совершенное отречение.

Надеваем мы и куколь, который есть символ смирения. Куколи носят малые (и незлобивые) младенцы, а человек совершеннолетний куколя не носит: мы же носим оный для того, чтобы младенчествовать злобою, как сказал апостол: *не дети бывайте умы: но злобою младенствуйте* (1 Кор. 14, 20). Что же значит младенчествовать злобою? Незлобивый младенец, если будет обещен, не гневается, и если почтен будет, не тщеславится. Если кто возьмет принадлежащее ему, он не печалится: ибо младенствует злобою, – не мстит за оскорбления и не ищет славы. Куколь есть также подобие благодати Божией, потому что как куколь покрывает и греет главу младенца, так и благодать Божия покрывает ум наш, как сказано в Отечнике: «Куколь есть символ благодати Бога, Спасителя нашего, покрывающей наше владычественное (ум) и охраняющей наше о Христе младенчество от демонов, старающихся всегда противиться нам и низвергать нас».

Вот мы имеем около чресл наших пояс, который означает умерщвление бессловесной похоти, и на плечах аналав, то есть крест. Вот и куколь, который есть символ незлобия и младенчества о Христе. Итак, будем жить сообразно с одеянием нашим, чтобы, как сказали отцы, не оказалось, что мы носим чуждое одеяние; но как мы оставили великое, так оставим и малое. Мы оставили мир, оставим и пристрастие к нему. Ибо пристрастия, как я сказал, и маловажными и обыкновенными вещами, не стоящими никакого внимания, опять привязывают нас к миру и соединяют с ним; а мы не разумеем этого. Посему, если мы хотим совершенно измениться и освободиться (от мира), то научимся отсекаť хотения наши, и таким образом мало-помалу с помощью Божией мы преуспеем и достигнем бесстрастия. Ибо ничто не приносит такой пользы людям, как отсечение своей воли, и поистине от сего человек преуспевает более, нежели от всякой другой добродетели. И как человек, который идет путем, найдя на нем жезл и взяв его, с помощью этого жезла проходит большую часть пути своего, так бывает и с тем, кто идет путем отсечения своей воли. Ибо отсечением своей воли он приобретает беспристрастие, а от беспристрастия приходит, с помощью Божией, и в совершенное бесстрастие. Можно и в краткое время отсечь десять хотений своих. И скажу вам, как это.

Положим, что кто-нибудь, пройдя небольшое расстояние, увидел что-либо, и помысл говорит ему: «Посмотри туда». А он отвечает помыслу: «Истинно, не стану смотреть», и отсекает хотение свое, и не смотрит. Или встречается празднословиящих между собою, и помысл говорит ему: «Скажи и ты такое-то слово», а он отсекает хотение свое и не говорит. Или говорит ему помысл: «Пойди, спроси повара, что он варит», а он не идет и отсекает хотение свое. Он видит что-нибудь, и помысл говорит ему: «Спроси, кто принес это», а он отсекает хотение свое и не спрашивает. Отсекая же таким образом свою волю, он приходит в навык отсекаť ее и, начиная с малого, достигает того, что и в великом отсекает ее без труда и спокойно, и достигает наконец того, что вовсе не имеет своей воли, и что бы ни случилось,

он бывает спокоен, как будто исполнилось его собственное желание. И тогда как он не хочет исполнять свою волю, оказывается, что она всегда у него исполняется. Ибо кто не имеет своей собственной воли, для того все, что с ним ни случается, бывает согласно с его волей. Таким образом и выходит, что он не имеет пристрастия, а от беспристрастия, как я сказал, приходит в бесстрастие. Видите ли, в какое преуспеяние мало-помалу приводит отсечение своей воли.

Каков был прежде блаженный Досифей? От какой роскоши и неги пришел он? Он даже никогда не слышал слова Божия; однако же вы слышали, в какую меру духовного возраста привело его в короткое время блаженное послушание и отсечение своей воли. Итак, Бог его прославил и не попустил таковой его добродетели прийти в забвение, но открыл о ней одному святому старцу, который и видел Досифея посреди всех великих святых, наслаждающегося их блаженством.

Расскажу вам и другое подобное событие, случившееся при мне, дабы вы узнали, что блаженное послушание и отсечение своей воли избавляет человека и от смерти. Однажды, когда я еще был в обители аввы Серида, пришел туда ученик одного великого старца из страны Аскалонской с некоторым поручением от своего аввы. Старец дал ему заповедь возвратиться в свою келию до вечера. Между тем, поднялась сильная буря с дождем и громом, и протекавший вблизи поток поднялся в уровень с берегами. Брат, помня слова своего старца, хотел идти обратно. Мы просили его остаться, полагая, что ему невозможно безопасно перейти поток, но он не согласился остаться с нами. Тогда мы сказали: пойдем вместе с ним до потока; когда он увидит его, то сам возвратится. И так мы пошли с ним и когда дошли до реки, он снял одежду свою, привязал ее на голове своей, опоясался нарамником и бросился в реку, – в эту страшную быстрину. Мы стояли в ужасе, трепеща за него, как бы он не утонул; но он продолжал плыть и весьма скоро очутился на другой стороне; оделся в свою одежду, поклонился нам оттуда, прощаясь с нами, и пошел скоро, продолжая путь свой. А мы стояли в изумлении и удивлялись силе добродетели: тогда как мы от страха едва могли смотреть на реку, он безопасно переплыл ее за послушание свое.

Также и тот брат, которого послал авва его по их нуждам в село к служившему им (Бога ради), когда увидел, что дочь сего стала привлекать его к совершению греха, сказал только: «Боже, молитвами отца моего, спаси меня» – и тотчас очутился на пути в скит, идя к отцу своему. Видите ли силу добродетели? Видите ли действие слова? Какая помощь заключается в том, чтобы призывать молитвы отца своего! Он сказал только: «Боже, молитвами отца моего, спаси меня» – и тотчас очутился на пути. Обратите же внимание на смирение и благочестие обоих. Они были в стесненном положении, и старец хотел послать брата к служившему им, но не сказал: «Пойди», а спросил его: «Хочешь ли идти?» Также и брат не сказал: «Пойду», но отвечал ему: «Как ты желаешь, отче, так и сделаю»; ибо он боялся и соблазниться, и послушаться отца своего. Потом, когда нужда еще более стеснила их, старец сказал ему: «Встань и пойди, сын мой», и не сказал ему: «Уповаю на Бога моего, что Он сохранит тебя», но: «Уповаю на молитвы отца моего, что Бог сохранит тебя». Также и брат, когда увидел себя в искушении, не сказал: «Боже мой, спаси меня», но: «Боже! молитв ради отца моего, спаси меня». И каждый из них уповал на молитвы отца своего.

Видите ли, как они послушание совокупили со смирением? Ибо как в запряженной колеснице один конь не может опередить другого, иначе сломается колесница, так и послушанию нужно, чтобы с ним сопряжено было смирение. Но кто может сподобиться сей благодати, если, как я сказал, не понудит себя отсечь свою волю и не предаст себя Бога ради своему отцу, ни в чем не сомневаясь, но делая все, что ни говорят они (т. е. отцы), с полной верою, как бы слушая Самого Бога. Кто иной достоин быть помилованным? Кто достоин спастись?

Рассказывают, что однажды святой Василий, посещая свои монастыри, сказал одному из своих игуменов: «Имеешь ли ты у себя кого-нибудь из спасающихся?» Авва отвечал ему: «Твоими святыми молитвами, владыко, все мы желаем спастись». Св. Василий сказал ему опять: «Имеешь ли кого-нибудь из спасающихся, говорю я?» Тогда игумен понял силу вопроса, ибо сам был муж духовный, и сказал: «Да, имею». Святой Василий говорит ему: «Приведи его сюда». И игумен позвал такового брата. Когда же он пришел, святой сказал ему: «Дай мне воды умыться». Тот пошел и принес ему умыться. Умывшись, святой Василий взял сам умывальницу с водой и сказал брату: «На, умойся и ты». И брат принял умовение от святого без всякого сомнения. Испытав его в этом, святой сказал ему опять: «Когда я войду в святилище, приди и напomini мне, я рукоположу тебя». И он опять послушался его без рассуждения, и когда увидел святого Василия в алтаре, пошел и напомнил ему, и тот посвятил его и взял с собой. Ибо кому подобало быть с сим святым и Богоносным мужем, как не такому благословенному брату? А вы не имеете опыта в несомненном послушании, оттого и не знаете покоя, от него (происходящего).

Однажды я спросил старца авву Варсонофия: «Владыко, Писание говорит, что *многими скорбьми подобает нам внити в Царство Небесное* (Деян. 14, 22), а я вижу, что не имею никакой скорби; что мне делать, чтобы не погубить души своей?» Потому что я не имел никакой печали. Если случалось мне иметь какой-нибудь помысл, то я брал дощечку и писал к старцу (когда я еще не служил ему, то вопрошал его письменно), и прежде чем я оканчивал писать, чувствовал уже облегчение и пользу: так велико было мое беспечалие и спокойствие. А я, не зная силы этой добродетели и слыша, что *многими скорбьми подобает нам внити в Царство Небесное*, боялся, что не имел скорби. Итак, когда я объяснил это старцу, он отвечал мне: «Не скорби; тебе не о чем беспокоиться: каждый, предавший себя в послушание отцам, имеет такое беспечалие и покой». Богу же нашему да будет слава вовеки. Аминь.

Почтение второе О смиренномудрии

Некто из старцев сказал: «Прежде всего нужно нам смиренномудрие, чтобы быть готовыми на каждое слово, которое слышим, сказать: *прости*; ибо смиренномудрием сокрушаются все стрелы врага и сопротивника». Исследуем, какое значение имеет слово старца; почему он говорит, что прежде всего нужно нам смиренномудрие, а не сказал, что прежде нужно воздержание? Ибо апостол говорит: *подвизаяйся от всех воздержитесь* (1 Кор. 9, 25). Или почему не сказал старец, что прежде всего нужен нам страх Божий? Ибо в Писании сказано: *начало премудрости страх Господень* (Пс. 110, 10) и опять: *страхом Господним уклоняется всяк от зла* (Притч. 15, 27). Почему не говорит он, что прежде всего нужна нам милостыня или вера? Ибо сказано: *милостынями и верою очищаются греси* (Притч. 15, 27), и апостол говорит: *без веры невозможно угодить Богу* (Евр. 11, 6). Итак, если без веры невозможно угодить Богу, и милостынями и верою очищаются грехи, и если страхом Господним уклоняется всяк от зла, и начало премудрости страх Господень, и подвизающийся от всего должен воздерживаться, то как же (старец) говорит, что прежде всего нужно нам смиренномудрие, и оставил все другое столь нужное? Старец хочет показать нам сим, что ни самый страх Божий, ни милостыня, ни вера, ни воздержание, ни другая какая-либо добродетель не может быть совершена без смиренномудрия. Вот почему говорит он: «Прежде всего нужно нам смиренномудрие, чтобы быть готовыми на каждое слово, которое слышим, сказать: *прости*; ибо смиренномудрием сокрушаются все стрелы врага и противника». Вот видите, братия, как велика сила смиренномудрия; видите, какое имеет действие слово: *прости*. Но почему диавол называется не только врагом, но и противником? Врагом называется потому, что он человеконенавистник, ненавистник добра и клеветник; противником же называется потому, что он старается препятствовать всякому доброму делу. Хочет ли кто помолиться: он противится и препятствует ему злыми воспоминаниями, пленением ума и унынием. Хочет ли кто подать милостыню: он препятствует сребролюбием и скупостью. Хочет ли кто бодрствовать: он препятствует ленью и нерадением; и так-то он сопротивляется нам во всяком деле, когда хотим сделать доброе. Поэтому он и называется не только врагом, но и противником. Смиренномудрием же сокрушаются все оружия врага и противника. Ибо поистине велико смиренномудрие, и каждый из святых шествовал его путем и трудом сокращал путь свой, как говорит Псалмопевец: *виждь смирение мое и труд мой, и остави вся грехи моя* (Пс. 24, 18), и: *смирися, и спасе мя Господь* (Пс. 114, 6). Впрочем, смирение и одно может ввести нас в Царствие, как сказал старец авва Иоанн, но только медленно.

Итак, смиримся немного и мы, и спасемся. Если мы, как немощные, не можем трудиться, то постараемся смириться; и верую в милость Божию, что и за то малое, совершаемое нами со смирением, будем и мы в местах святых, много потрудившихся и работавших Богу. Пусть мы немощны и не можем трудиться: но неужели мы не можем смириться? Блажен, братия, кто имеет смирение; велико смирение. Хорошо также означил один святой имеющего истинное смирение так: «Смирение ни на кого не гневается и никого ни прогневляет, и считает это совершенно чуждым себе». Велико, как мы сказали, смирение; ибо оно одно сопротивляется тщеславию и хранит от него человека. А разве не гnevаются также за имения или за брашна? Как же старец говорит, что смирение ни на кого не гневается и никого не прогневляет? Смирение велико, как мы сказали, и сильно привлечь в душу благодать Божию. Благодать же Божия, пришедши, покрывает душу от двух тяжких вышеупомянутых страстей. Ибо что может быть более тяжким, как гневаться и прогневлять ближнего? – как некто сказал: «Монахам вовсе несвойственно гневаться, равно и прогневлять других». Ибо, поистине, если такой (то есть гневающийся или прогневляющий других) вскоре не покро-

ется смирением, то он мало-помалу приходит в состояние бесовское, смущая других и смущаясь сам. Посему-то сказал старец, что смирение не гневается и не прогневляет. Но что я говорю, будто смирение покрывает только от двух страстей, – оно покрывает душу и от всякой страсти, и от всякого искушения.

Когда святой Антоний увидел распростертыми все сети диавола и, вздохнув, спросил Бога: «Кто же избегнет их?» – то отвечал ему Бог: «Смирение избегает их»; а что еще более удивительно, присовокупил: «Они даже и не прикасаются ему». Видишь ли благодать сей добродетели? Поистине нет ничего крепче смиренномудрия, ничто не побеждает его. Если со смиренным случится что-либо скорбное, он тотчас обращается к себе, тотчас осуждает себя, что он достоин того, и не станет укорять никого, не будет на другого возлагать вину и таким образом переносит случившееся без смущения, без скорби, с совершенным спокойствием, а потому и не гневается и никого не прогневляет. Итак, хорошо сказал святой, что прежде всего нужно нам смиренномудрие.

Смирения же два, так же, как и две гордости. Первая гордость есть та, когда кто укоряет брата, когда осуждает и бесчестит его как ничего не значащего, а себя считает выше него. Таковой, если не опомнится вскоре и не постарается исправиться, то мало-помалу будет приходить и во вторую гордость, так что возгордится и против Самого Бога, и подвиги и добродетели свои станет приписывать себе, а не Богу, как будто сам собою совершил их, своим разумом и тщанием, а не помощью Божией. Поистине, братия мои, знаю я одного, пришедшего некогда в сие жалкое состояние. Сначала, если кто из братии говорил ему что-либо, он уничижал каждого и возражал: «Что значит такой-то? Нет никого достойного, кроме Зосимы и подобного ему». Потом начал и сих охуждать и говорить: «Нет никого достойного, кроме Макария». Спустя немного начал говорить: «Что такое Макарий? Нет никого достойного, кроме Василия и Григория». Но скоро начал охуждать и сих, говоря: «Что такое Василий? И что такое Григорий? Нет никого достойного, кроме Петра и Павла».

Я сказал ему: «Поистине, брат, ты скоро и их станешь уничижать». И поверьте мне, через несколько времени он начал говорить: «Что такое Петр? И что такое Павел? Никто ничего не значит, кроме Святой Троицы». Наконец, возгордился он и против Самого Бога и таким образом лишился ума. Посему-то должны мы, братия мои, подвизаться всеми силами нашими против первой гордости, дабы мало-помалу не впасть и во вторую, то есть в совершенную гордыню.

Гордость еще бывает мирская и монашеская: мирская гордость есть та, когда кто гордится пред братом своим, что он богаче или красивее его, или что носит лучшую, нежели тот, одежду, или что он благороднее его. Итак, когда мы видим, что тщеславимся сими преимуществами, или тем, что монастырь наш больше или богаче других, или что в нем много братии, то мы должны знать, что находимся еще в мирской гордости. Случается также, что тщеславятся какими-либо природными дарованиями: иной, например, тщеславится тем, что у него хорош голос и что он хорошо поет, или что он скромен, усердно работает и добросовестен в служении. Сии преимущества лучше первых, однако и это – мирская гордость. Монашеская же гордость есть та, когда кто тщеславится, что он упражняется во бдении, в посте, что он благоговеен, хорошо живет и тщателен. Случается также, что иной и смиряется для славы. Все сие относится к монашеской гордости. Можно нам вовсе не гордиться; если же кто сего совсем избежать не может, то хоть бы гордился преимуществом монашеских дел, а не чем-либо мирским.

Вот, мы сказали, что такое первая гордость, и что вторая; сказали также, что такое мирская гордость, и что монашеская. Рассмотрим теперь, в чем состоят и два смирения. Первое смирение состоит в том, чтобы почитать брата своего разумнее себя и по всему превосходнее и, одним словом, как сказали святые отцы, чтобы «почитать себя ниже всех». Второе же смирение состоит в том, чтобы приписывать Богу свои подвиги, сие есть совершенное сми-

рение святых. Оно естественно рождается в душе от исполнения заповедей. Ибо как деревья, когда на них бывает много плодов, то самые плоды преклоняют ветви книзу и нагибают их; ветвь же, на которой нет плодов, подымается вверх и растет прямо. Есть же некоторые деревья, которые не дают плода, пока их ветви растут вверх; если же кто возьмет камень, привесит к ветви и нагнет ее книзу, тогда она даст плод; так и душа, когда смиряется, тогда приносит плод, и чем более приносит плода, тем более смиряется. Так и святые, чем более приближаются к Богу, тем более видят себя грешными.

Помню, однажды мы имели разговор о смирении. И один из знатных граждан города Газы, слыша наши слова, что чем более кто приближается к Богу, тем более видит себя грешным, удивлялся и говорил: как это может быть? И не понимая, хотел узнать: что значат эти слова? Я сказал ему: «Именитый господин! Скажи мне, за кого ты считаешь себя в своем городе?» Он отвечал: «Считаю себя за великого и первого в городе». Говорю ему: «Если же ты пойдешь в Кесарию, за кого будешь считать себя там?» Он отвечал: «За последнего из тамошних вельмож». «Если же, – говорю ему опять, – ты отправишься в Антиохию, за кого ты будешь там себя считать?» «Там, – отвечал он, – буду считать себя за одного из простолюдинов». «Если же, – говорю, – пойдешь в Константинополь и приблизишься к царю, там за кого ты станешь считать себя?» И он отвечал: «Почти за нищего». Тогда я сказал ему: «Вот так и святые, чем более приближаются к Богу, тем более видят себя грешными». Ибо Авраам, когда увидел Господа, назвал себя землей и пеплом (Быт. 18, 27); Исайя же сказал: *окаянный и нечистый есмь аз* (Ис. 6, 5); также и Даниил, когда был во рву со львами, Аввакуму, принесшему ему хлеб и сказавшему: прими обед, который послал тебе Бог, отвечал: и так вспомнил обо мне Бог (Дан. 14, 37, 38). Какое смирение имело сердце его! Он находился во рву посреди львов и был невредим от них, и притом не один раз, но дважды, и после всего этого он удивился и сказал: и так вспомнил обо мне Бог.

Видите ли смирение святых, и каковы их сердца? Даже и посылаемые от Бога на помощь людям, они отказывались по смирению, избегая славы. Как облеченный в шелковую одежду, если набросить на него нечистое рубище, отбегает, чтобы не замарать своего драгоценного одеяния, так и святые, будучи облечены в добродетели, убегают человеческой славы, чтобы не оскверниться ею. А ищущие славы подобны нагому, который желает найти хотя малое рубище или иное что-либо, дабы покрыть свой стыд: так и необлеченный в добродетели ищет славы человеческой. Итак, святые, будучи посылаемы Богом на помощь людям, по смирению отказывались от сего. Моисей говорил: *молю ти ся поставити иного могущаго, аз бо есмь гугнив и косноязычен* (Исх. 4, 10). Иеремия же говорил: *юнейший есмь аз* (Иер. 1, 6). И одним словом, каждый из святых приобрел сие смирение как мы сказали, через исполнение заповедей. Но что такое сие смирение, и как оно рождается в душе, никто не может выразить словами, если человек не научится сему из опыта; из одних же слов нельзя сему научиться.

Некогда авва Зосима говорил о смирении, а какой-то софист, тут находившийся, слыша, что он говорил и желая понять (это) в точности, спросил его: «Скажи мне, как ты считаешь себя грешным? Разве ты не знаешь, что ты свят? Разве не знаешь, что имеешь добродетели? Ведь ты видишь, как исполняешь заповеди: как же ты, поступая так, считаешь себя грешным?» Старец же не находился, какой дать ему ответ, а только говорил: «Не знаю, что сказать тебе, но считаю себя грешным». Софист настаивал на своем, желая узнать, как сие может быть. Тогда старец, не находя, как ему это объяснить, начал говорить ему с своею святою простотой: «Не смущай меня; я подлинно считаю себя таким». Видя, что старец недоумевает, как отвечать софисту, я сказал ему: «Не то же ли самое бывает и в софистическом и врачебном искусствах? Когда кто хорошо обучится искусству и занимается им, то, по мере упражнения в оном, врач или софист приобретает некоторый навык, а сказать не может и не умеет объяснить, как он стал опытен в деле; душа приобрела навык, как я уже сказал,

постепенно и нечувствительно, через упражнение в искусстве. Так и в смирении: от исполнения заповедей бывает некоторая привычка к смирению, и нельзя выразить это словом». Когда авва Зосима услышал это, он обрадовался, тотчас обнял меня и сказал: «Ты постиг дело, оно точно так бывает, как ты сказал». И софист, услышав эти слова, остался доволен и согласен с ними.

И старцы сказали нам нечто, помогающее нам уразуметь смирение. Самое же состояние, в которое душа приходит от смирения, никто не мог объяснить. Так, когда авва Агафон приближался к кончине и братия сказали ему: «И ты ли боишься, отче?» – он отвечал: «Сколько мог, я понуждал себя сохранять заповеди; но я человек, и почему могу знать, угодно ли дело мое Богу? Ибо иной Суд Божий, и иной человеческий». Вот, он открыл нам глаза, чтобы уразуметь смирение, и указал путь, как его достигнуть, а как оно бывает в душе, как я уже многократно говорил, никто не мог сказать ни постигнуть через одни слова; разве только от дел душа может научиться сему несколько. А что приводит нас к смирению, о том сказали отцы. Ибо в Отечнике написано: один брат спросил старца: что есть смирение? Старец отвечал: «Смирение есть дело великое и Божественное; путем же к смирению служат телесные труды, совершаемые разумно; также, чтобы считать себя ниже всех и постоянно молиться Богу – это путь к смирению; самое же смирение Божественно и непостижимо».

Почему же старец говорит, что телесные труды приводят душу в смирение? Каким образом телесные труды делаются душевными добродетелями? То, чтобы считать себя ниже всех, как мы уже сказали, сопротивляется демонам и первой гордости: ибо как может считать себя большим брата своего, или гордиться перед кем-либо, или укорить, или уничтожить кого-либо тот, кто почитает себя ниже всех? Также и молиться непрестанно – явно противиться второй гордости: ибо очевидно, что смиренный и благоговейный, зная, что невозможно совершить никакой добродетели без помощи и покрова Божия, не перестает всегда молиться Богу, чтобы Он сотворил с ним милость. Ибо непрестанно молящийся Богу, если и сподобится совершить что-либо, знает, почему он совершил сие и не может возгордиться, и не приписывает это своей силе, но все свои успехи относит к Богу, всегда благодарит Его и всегда призывает Его, трепеща, как бы ему не лишиться такой помощи и не обнаружилась его немощь и бессилие. Итак, он со смирением молится и молитвою смиряется; и чем более преуспевает всегда в добродетели, тем более всегда смиряется; а по мере того, как смиряется, получает помощь и преуспевает чрез смиренномудрие. Но почему старец говорит, что телесные труды приводят к смирению? Какое отношение имеют телесные труды к расположению души? Я объясню вам это. Так как душа по преступлении заповеди предалась, как говорит святой Григорий, прелести сластолюбия и самозакония и возлюбила телесное, и, некоторым образом, стала как бы нечто единое с телом, и вся сделалась плотью, как сказано: *не имать пребывати дух мой в человецех сих, зане суть плоть* (Быт. 6), и бедная душа как бы состраждет телу и сочувствует во всем, что делается с телом; посему-то и сказал старец, что и телесный труд приводит душу в смирение. Ибо иное расположение души у человека здорового и иное у больного; иное у алчущего и иное у насытившегося. Также опять иное расположение души у человека, едущего на коне, иное у сидящего на престоле и иное у сидящего на земле, иное у носящего красивую одежду и иное у носящего худую. Итак, труд смиряет тело; а когда тело смиряется, то вместе с ним смиряется и душа. Следовательно, хорошо сказал старец, что телесный труд приводит к смирению. Посему когда Евагрий подвергся брани от хульных помыслов, то он, как муж разумный, зная, что хула происходит от гордости и что когда смиряется тело, то вместе с ним смиряется и душа, провел сорок дней на открытом воздухе, так что тело его, как говорит его жизнеописатель, стало производить червей, подобно тому, как случается у диких животных; и такой труд он подъял не ради хулы, но ради смирения. Итак, хорошо сказал старец, что и телесные труды приводят к смирению.

Благий Бог да подаст нам смирение, ибо оно избавляет человека от многих зол и покрывает его от великих искушений. Богу слава и держава вовеки. Аминь.

Почтение третье О совести

Когда Бог сотворил человека, Он всеял в него нечто Божественное, как бы некоторый помысл, имеющий в себе, подобно искре, и свет, и теплоту; помысл, который просвещает ум и показывает ему, что доброе и что злое, – сие называется совестью, а она есть естественный закон. Это те кладези, которые, как толкуют святые отцы, искапывал Исаак, а филистимляне засыпали (Быт. 26). Последуя сему закону, то есть совести, патриархи и все святые прежде написанного закона угодили Богу. Но когда люди через грехопадение зарыли и попрали ее, тогда сделался нужен закон написанный, стали нужны святые пророки, нужно сделалось самое пришествие Владыки нашего Иисуса Христа, чтобы открыть и воздвигнуть ее (совесть); чтобы засыпанную оную искру снова возжечь хранением святых Его заповедей.

Ныне в нашей власти или опять засыпать ее, или дать ей светиться в нас и просвещать нас, если будем повиноваться ей. Ибо когда совесть наша говорит нам сделать что-либо, а мы пренебрегаем сим, и когда она снова говорит, а мы не делаем, но продолжаем попираť ее, тогда мы засыпаем ее, и она не может уже явственно говорить нам от тяготы, лежащей на ней, но, как светильник, сияющий за завесою, начинает показывать нам вещи темнее. И как в воде, помутившейся от многого ила, никто не может узнать лица своего, так и мы по преступлении не разумеем, что говорит нам совесть наша, так что нам кажется, будто ее вовсе нет у нас. Однако нет человека, не имеющего совести: ибо она есть, как мы уже сказали, нечто Божественное и никогда не погибает, но всегда напоминает нам полезное; а мы не ощущаем сего, потому что, как уже сказано, пренебрегаем ею и попираем ее.

Посему-то Пророк оплакивает Ефрема и говорит: *Соодоле Ефрем соперника своего, попра суд* (Ос. 5, 11). Соперником он называет совесть. Потому и в Евангелии сказано: *буди увещаваяся с соперником твоим, дондеже еси на пути с ним, да не когда ты предаст судии, а судия слугам, и всадыт тя в темницу, аминь глаголю тебе, не изыдеши оттуду, дондеже воздаси последний кодрант* (Мф. 5, 25, 26). Но почему совесть называется соперником? Соперником называется она потому, что сопротивляется всегда злой нашей воле и напоминает нам, что мы должны делать, но не делаем; и опять, чего не должны делать, и делаем, и за это она осуждает нас. Потому и Господь называет ее соперником и заповедует нам, говоря: *буди увещаваяся с соперником твоим, дондеже еси на пути с ним*. Путь, как говорит Василий Великий, есть мир сей.

Итак, потщимся, братия, хранить совесть нашу, пока мы находимся в этом мире, не допустим, чтобы она обличала нас в каком-либо деле; не будем попираť ее отнюдь ни в чем, хотя бы то было и самое малое. Знайте, что от (пренебрежения) сего малого и в сущности ничтожного мы переходим и к пренебрежению великого. Ибо если кто начнет говорить: «Что за важность, если я скажу это слово? Что за важность, если я съем эту безделицу? Что за важность, если я посмотрю на ту или на эту вещь?» – от этого: «Что за важность в том, что за важность в другом», впадает он в худой навык и начинает пренебрегать великим и важным и попираť свою совесть; а таким образом закосневая во зле, находится в опасности прийти и в совершенное нечувствие. Поэтому берегитесь, братия, пренебрегать малым, берегитесь презирать его, как малое и ничтожное; оно не малое, ибо через него образуется худой навык. Будем же внимать себе и заботиться о легком, пока оно легко, чтобы оно не стало тяжким; ибо и добродетели и грехи начинаются от малого и приходят к великому добру и злу. Поэтому заповедует нам Господь блюсти свою совесть и как бы особенно увещевает каждого из нас, говоря: «Посмотри, что ты делаешь, несчастный! Опомнись, помирись с соперником твоим, пока ты на пути с ним». Потом указывает бедственные последствия от несоблюдения сей заповеди: *да не когда предаст тя судии, а судия слугам, и всадыт тя в темницу*. А затем что?

Аминь глаголю тебе: не изыдеши оттуду, дондеже воздаси последний кодрант. Ибо совесть обличает нас, как я уже сказал, и в добре, и в зле, и показывает нам, что делать; и опять она же осудит нас в будущем веке. Поэтому и сказано: *да не когда предаст тя судии* и прочее. А хранение совести многообразно: ибо человек должен сохранять ее в отношении к Богу, к ближнему и к вещам. В отношении к Богу хранит совесть тот, кто не пренебрегает Его заповедями и даже в том, чего не видят люди, и чего никто не требует от нас, он хранит совесть свою в отношении к Богу втайне. Например, обленился ли кто в молитве, или страстный помысл вошел в сердце его, а он не воспротивился ему и не восстыгнул себя, но принял его; также, если кто, видя ближнего, делающего или говорящего что-либо, и как обыкновенно случается, осудил его; короче сказать, все, что бывает втайне, чего никто не знает, кроме Бога и совести нашей, должны мы хранить; и сие-то есть хранение совести в отношении к Богу.

А хранение совести в отношении к ближнему требует, чтобы не делать отнюдь ничего такого, что, как мы знаем, оскорбляет или соблазняет ближнего делом, или словом, или видом, или взглядом; ибо и видом, как я часто повторяю, даже и взглядом можно оскорбить брата. Короче сказать: человек не должен делать ничего такого, о чем знает, что он делает это с намерением оскорбить ближнего. Сим оскверняется его совесть, сознающая, что это сделано с тем, чтобы повредить брату или опечалить его; и сие-то значит хранить свою совесть в отношении к ближнему. А хранение совести в отношении к вещам состоит в том, чтобы не обращаться небрежно с какою-либо вещью, не допускать ей портиться и не бросать ее как-нибудь; а если увидим что-либо брошенное, то не должно пренебрегать сим, хотя бы оно было и маловажно, но поднять и положить на свое место. Не должно также обходиться нерассмотрительно со своею одеждою, ибо случается, что иной мог бы носить одежду неделю или две, или даже месяц, а он часто моет ее преждевременно и тем портит ее, и вместо того, чтобы носить ее лишних пять месяцев или более, он частым мытьем приводит ее в ветхость и негодность; а это против совести. Также и в отношении постели, часто иной мог бы довольствоваться одной подушкой, а он ищет пышной постели; или имеет власяницу, но хочет переменить ее и приобрести другую, новую или более красивую, по тщеславию или от уныния. Иной опять может обойтись одним покрывалом, а он ищет другого лучшего, иногда даже и спорит, если не получит его. А если он еще станет примечать за братом своим и говорить: «Зачем у него есть, а у меня нет?», то такой далек от преуспевания. Также если кто-либо развесит свою одежду или покрывало на солнце и поленится вовремя снять их, и допустит им от зноя портиться, то и это против совести. Также и в пище иной может удовлетворить своей потребности малым количеством какой-либо овощи, или чечевицей, или немногими маслинами, а он не хочет этого, но ищет другой пищи, вкуснейшей и лучшей: это все против совести. Отцы же говорят, что монах никогда не должен допускать, чтобы совесть обличала его в какой-либо вещи.

Итак, необходимо нам, братия, внимать себе всегда и охранять себя от всего этого, чтобы не подвергнуться тому бедствию, от которого Сам Господь предостерегает нас, как мы выше сказали. Да подаст нам Бог слышать и исполнять сие, чтобы слова отцов наших не послужили нам на осуждение.

Почение четвертое О страхе Божиим

Святой Иоанн говорит в Соборных Посланиях своих: *совершенно любви вон изгоняет страх* (1 Ин. 4, 18). Что хочет сказать нам чрез сие святой апостол? О какой любви говорит он нам и о каком страхе? Ибо пророк Давид говорит в псалме: *бойтесь Господа, вси святии Его* (Пс. 33, 10), и много других подобных изречений находим мы в Божественных Писаниях. Итак, если и святые, столько любящие Господа, боятся Его, то как же святой Иоанн говорит: *совершенно любви вон изгоняет страх!* Святой хочет нам показать этим, что есть два страха: один первоначальный, а другой совершенный, и что один свойствен, так сказать, начинающим быть благочестивыми, другой же есть (страх) святых совершенных, достигших в меру совершенной любви. Например: кто исполняет волю Божию по страху мук, тот, как мы сказали, еще новоначальный: ибо он не делает добра для самого добра, но по страху наказания. Другой же исполняет волю Божию из любви к Богу, любя Его, собственно для того, чтобы благоугодить Ему. Сей знает, в чем состоит существенное добро; он познал, что значит: быть с Богом. Сей-то имеет истинную любовь, которую святой называет совершенной. И эта любовь приводит его в совершенный страх, ибо таковой боится Бога и исполняет волю Божию уже не по страху наказания, уже не для того, чтобы избегнуть мучений, но потому что он, как мы сказали, вкусив самой сладости пребывания с Богом, боится отпасть, боится лишиться ее. И сей совершенный страх, рождающийся от этой любви, изгоняет первоначальный страх; посему-то апостол и говорит: *совершенно любви вон изгоняет страх*. Однако невозможно достигнуть совершенного страха иначе, как только первоначальным страхом. Ибо трояким образом, как говорит Василий Великий, можем мы угодить Богу: или благоугодяем Ему, боясь муки, и тогда находимся в состоянии раба; или ища награды, исполняем повеления Божии ради собственной пользы, и посему уподобляемся наемникам, или делаем добро ради самого добра, и тогда мы находимся в состоянии сына. Ибо сын, когда приходит в совершенный возраст и в разум, исполняет волю отца своего не потому, что боится быть наказанным, и не для того, чтобы получить от него награду, но собственно потому и хранит к нему особенную любовь и подобающее отцу почтение, что любит его и уверен, что все имение отца принадлежит и ему. Таковой сподобляется услышать: *уже неси раб, но сын и наследник Божий Иисус Христом* (Гал. 4, 7). Таковой уже не боится, как мы сказали, Бога, конечно, тем первоначальным страхом, но любит Его, как и святой Антоний говорит: я уже не боюсь Бога, но люблю Его. И Господь, сказав Аврааму, когда он привел для жертвоприношения Ему сына своего: *ныне познах, яко боишися ты Бога* (Быт. 22, 12), сим означил тот совершенный страх, который рождается от любви. Ибо иначе как бы Он сказал: *ныне познах*, когда Авраам уже сделал столько из послушания Богу, – оставил все свое и переселился в чужую землю к народу, служившему идолам, где не было и следа Богопочитания, и сверх всего этого навел на него Бог такое страшное искушение – жертвоприношение сына, и после сего сказал ему: *ныне познах, яко боишися ты Бога*. Очевидно, что Он говорил здесь о совершенном страхе, свойственном святым, которые уже не по страху мучения и не для получения награды исполняют волю Божию, но любя Бога, как мы многократно говорили, боятся сделать что-либо против воли Бога, ими любимого. Посему-то и говорит апостол: *любви вон изгоняет страх*, ибо они уже не по страху действуют, но боятся, потому что любят. В сем состоит совершенный страх. Но невозможно (как мы уже сказали выше) достигнуть совершенного страха, если кто прежде не приобретает первоначального. Ибо сказано: *начало премудрости страх Господень* (Притч. 1, 7), и еще сказано: *страх Божий есть начало и конец* (Сир. 1, 15, 18).

Началом назван первоначальный страх, за которым следует совершенный страх святых. Первоначальный страх свойствен нашему душевному состоянию. Он охраняет душу от всякого зла, как полировка – медь, ибо сказано: *страхом Господним уклоняется всяк от зла* (Притч. 15, 27). Итак, если кто уклоняется от зла по страху наказания, как раб, боящийся господина, то он постепенно приходит и к тому, чтобы делать благое добровольно, и мало-помалу начинает, как наемник, надеяться некоторого воздаяния за свое благое делание. А если он постоянно будет избегать зла, как мы сказали, из страха, подобно рабу, и делать благое в надежде награды, подобно наемнику, то, пребывая по благодати Божией во благом и соразмерно сему соединясь с Богом, он получает вкус благого и начинает понимать, в чем истинное добро, и уже не хочет разлучаться с ним. Ибо кто может разлучить такового от любви Христовой? – как сказал апостол (Рим. 8, 35). Тогда достигает он в достоинство сына и любит добро ради самого добра, и боится, потому что любит. Сей-то есть великий и совершенный страх.

Поэтому и Пророк, уча нас отличать один страх от другого, сказал: *приидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу вас. Кто есть человек хотяй живот, любяй дни видети благи?* (Пс. 33, 12, 13). Обратите внимание ваше на каждое слово Пророка, как каждое речение его имеет свою силу. Сперва говорит он: *приидите ко мне*, призывая нас к добродетели, потом прилагает и: *чада*. Чадами называют святые тех, которые их словами обращаются от греха к добродетели, как и апостол говорит: *чадца, имижже паки болезную, дондеже вообразится Христос в вас* (Гал. 4, 19). Потом, призвав нас и приготовив к тому обращению, Пророк говорит: *страху Господню научу вас*.

Видите ли дерзновение святого? Мы, когда хотим сказать что-либо доброе, всегда говорим: «Хотите ли, мы побеседуем с вами несколько о страхе Божием, или о другой какой-либо добродетели?» Святой же Пророк не так, но с дерзновением говорит: *приидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу вас. Кто есть человек хотяй живот, любяй дни видети благи?* Потом, как бы услышав от кого-либо в ответ: я желаю, научи меня, как жить и видеть дни благие, он научает, говоря: *удержи язык твой от зла, и устне твои, еже не глаголати лести*. Итак, он прежде всего отсекает действие зла страхом Божиим.

Удерживать язык свой от зла значит: не уязвлять чем-либо совести ближнего, не злословить, не раздражать. А устнами своими *не глаголати лести* – значит не обольщать ближнего. Потом Пророк прибавляет: *уклонися от зла*. Сперва сказал он о некоторых частных грехах: о злословии, обмане, а потом говорит вообще о всяком зле. *Уклонися от зла*, то есть избегай вообще всякого зла, уклоняйся от всякого дела, ведущего ко греху. Опять, сказав это, он не остановился на сем, но прибавил: *и сотвори благо*. Ибо случается, что иной не делает зла, но и добра не делает; иной также не обижает, но не оказывает и милосердия; иной не ненавидит, но и не любит. Итак, хорошо сказал Пророк: *уклонися от зла, и сотвори благо*. Вот он показывает нам ту постепенность трех устроений душевных, о которой мы упоминали выше. Страхом Божиим он научил уклоняться от зла, и тогда уже повелевает начать благое. Ибо когда кто сподобится освободиться от зла и удалиться от него, тогда он естественно совершает доброе, наставляемый святыми. Сказав о сем столь хорошо и последовательно, он продолжает: *взыщи мира и пожени и*. Не сказал только «взыщи», но усиленно стремись за ним, чтобы достигнуть его. Следите внимательно умом вашим за сею речью и примечайте точность, наблюдаемую святым. Когда кто сподобится уклониться от зла и (потом) будет стараться, с помощью Божиею, делать благое, тотчас восстают на него брани вражеские, и он подвизается, трудится, сокрушается, не только боясь возвратиться опять на злое, как мы сказали о рабе, но надеясь, как было упомянуто, награды за благое, подобно наемнику. И таким образом, терпя нападения от врага, борясь с ним и сопротивляясь ему, он делает благое, но с большой скорбью, с великим трудом. Когда же он получит помощь от Бога и приобретает некоторый навык в добре, тогда видит он покой, тогда вкушает мир,

тогда ощущает, что значит печаль брани и что – радость и веселье мира. И потом уже ищет мира, усиленно стремится к нему, чтобы достигнуть его, приобрести совершенно и водворить его в себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.